

— “МК” как-то напечатал интересную статейку про меня. Мы зашли к Андрюшке Соколову — он лежал в больнице — с одним сценаристом и одной артисткой. Ну, взяли с собой винца. Я даже не знаю, откуда ваши узнали. Вдруг читаю, что чуть ли больницу не спалили, такого шороху наделали, что до сих пор очухаться не может полрайона Москвы. Вот такими красками.

— **А что было-то?**

— Зашли к Андрюшке в палату. С собой всего одна бутылка сухого вина. Ну не напились же! Я, помню, одной из медсестер предложил, она тоже выпила. Чего там могло быть грандиозного?

— **А случилось так — хорошо погулять?**

— Грандиозные гулянки получаются только на выезде. В Одессе мы грандиозно гуляли. А в Москве работа, дом, гуляем по мелочам. Потом сейчас уже неприлично такие разгулы устраивать — все-таки меня узнают. Скажут: “А-а, артист!”

— **А вы знаете, Витя, что в справочнике вы числитесь молодым артистом России?**

— Это я-то молодой артист? Да мне в августе 45 будет!

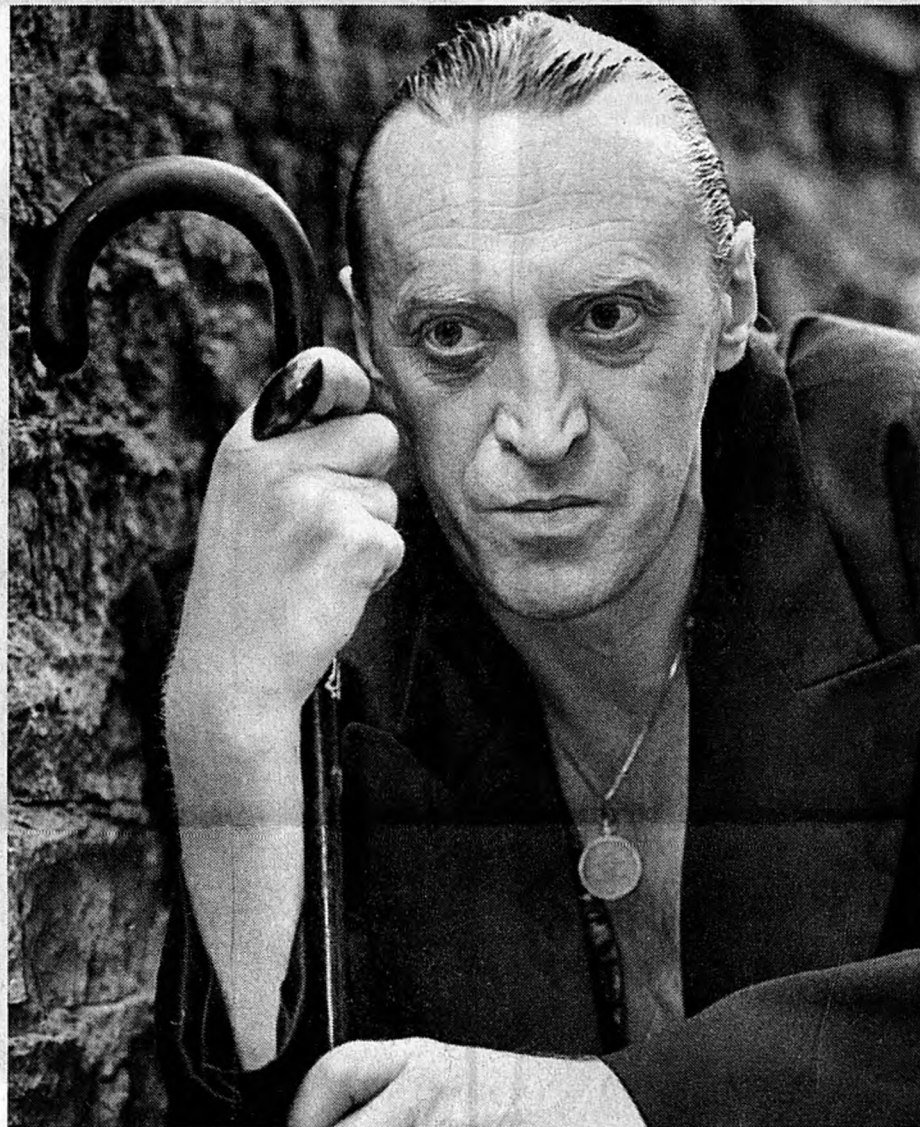
— **Вы довольны тем, что сделали в кино?**

— Кино ко мне как-то однобоко подошло.

— **“Господином оформителем” тоже недовольны? Можно сказать, ваша визитная карточка.**

— Мне больше нравится первый вариант этого фильма, которого уже не существует. Олег Тепцов, режиссер, тогда заканчивал Высшие режиссерские курсы, и этот фильм шел как его диплом. Нужно было снять десятиминутку, и ему всего дали 50 тысяч рублей. Он собрал группу камикадзе на “Ленфильме” и за эти 50 тысяч снял почти весь фильм. Когда его посмотрел Медведев, то сказал: “В прокат!” А фильм не закончен. И тогда на досмочку ему дали 250 тысяч! И Олег уже не пожалел пленки, растянул. Тот вариант был более ди-

Самый загадочный артист нашего кино — **Виктор Авилов. Необычная внешность, демонические глаза, вечный граф. “Господин оформитель”, “Узник замка Иф”, “Петербургские тайны”.** В жизни артист Театра на Юго-Западе, где у него куча фанатов, совсем не напоминает графа. Скорее сантехника или слесаря. Ну уж точно не из благородных господ. Скорее просто рабочий, который отпахал смену и может позволить себе “отдохнуть”. Не интеллигент и вовсе не изыскан, очень прост. Какая-то рубашонка. Все те же желтые волосы по плечи. А в театре играет Воланда и Калигулу. И абсолютно преобразается. Авилов — самородок, артист от Бога. Только Бог может пересадить обыкновенного шофера с баранки на сцену: “Иди и играй!”

— **В Доме кино хоть были?**

— А что мне там делать?

— **Совсем не чувствуете, что ваш дом — кино?**

— Мой дом — театр. И здесь мой круг общения. Еще знакомые по местам жительства, которые я регулярно меняю.

— **Что так?**

— А у меня нет дома. Я был женат. Сейчас опять женат.

— **Много жен?**

— Три, только официально.

— **А вы любитель?**

— Я, наверное, уже не любитель, а профессионал. Много баб было.

— **И все от души, от сердца или накатом?**

— Как только не бывало.

— **Сейчас жена молодая?**

— Моложе на 18 лет. На съемках познакомились. Сейчас штамп поставили, снимаем квартиру. Какое-то время жили внахлест — я еще был женат. От второй жены двое детей, девочки — 17 и 13. А потом я ушел. Это моя боль, мы же в одном театре работаем, иногда больно глазами встречаться.

— **Но хоть по любви ушел?**

— А у меня все браки по любви. Я вообще очень любящий.

— **А первая жена кто?**

— Работала в магазине кассиром. Это я только пришел из армии и с голодухи прыгнул. Тем не менее четыре года прожили.

— **Я думала, вы более сдержанный.**

— Да подустал уже. Возраст, знаете...

— **Ну, а отдых от такой жизни есть?**

— Да, я заядлый рыбак. Даже когда в Японию ездили — у нас там гастроли были 3 месяца, 74 спектакля “Ромео и Джульетта” дали, я там Меркуцио; как полагается океанический город, я сразу с удочками. И хоть бы одна рыба два раза попалась! Все разные: то синенькая с красными полосками, то бордовая.

— **А вдруг ядовитая?**

— А для этого у нас японец был, консультант. Мы ведь играли “Ромео” пополам с японцами — все Монтеки русские, а Джульетта и Капулетти — японцы. Я даже одну сцену играл на японском языке. Надо было видеть лица японцев!

— **Говорят, все рыбаки — хорошие кулинары?**

— Я могу готовить все. Борщ могу сварить, щи, рассольник, не говоря о примитивной куриной лапше. Вторые блюда — с мясом, птицей, рыбой работаю. Изошряюсь как могу — то в фольге, то карбонат заделаю. Одно время меня несло на гусей. Я только профан в выпечке, но я ее и не люблю.

— **Как у вас сейчас с кино? Сегодня все молодые снимают своих друзей, а это обычно Машков, Миронов, Меньшиков. Вы в эту компанию ни с какой стороны не попадаете?**

— Есть еще те, старой закалки режиссеры, которые не из тусовок выбирают. Пчелкин меня так пригласил в “Петербургские тайны”.

— **Вас не обижает, что молодые режиссеры вас отвергают?**

— У них есть преимущества — свой дает подзаработать своему.

— **А вы как подзарабатываете? Может, рекламой на телевидении?**

— Там тоже своя тусовка — ниша тоже занята. Везде свои команды. Так что работа для меня — дело случая. Пригласят — не пригласят. В “Голдэн-Пэласе” недавно три ночи проработал. Шоу какое-то было с девушками. Я выходил под музыку Курекина из “Господина оформителя”, текст большой говорил. Меня туда протолкнул один парень знакомый.

— **Из актеров с кем-то дружите?**

— Сейчас я из того мира ни с кем в контакте не нахожусь. Я от природы, наверное, другой — неловко себя все время чувствую с ними. Я там вынужден общаться.

— **А вы не хотите?**

— Нет.

— **Что вы тогда любите?**

— Рыбалку. Свою компанию театральную. Однажды на семь дней с театром выезжали на пяти машинах. Разбили лагерь, кухню скотили, построили столы. Взяли гвозди, топоры, пилы, молотки. Мы же театр начинали строить практически своими руками. Что нам кухню построить с навесом! Туалет даже построили. Девчонки заведовали общей казной. Каждая машина назначалась дежурной на день. Одна палатка — склад, остальные по кругу. Рядом поляна огромная, дети наши там бегают. В театре все другое, чем в кино. Мы здесь практически все родственники. Это уже не тусовка, а семья.

— **Вы собой довольны?**

— Иногда я себе нравлюсь. Иногда я себя ненавижу. Иногда презираю, когда совершаю какие-то неправильные поступки. Не все человек в жизни делает правильно.

— **Какая роль в кино вас полностью удовлетворила?**

— Я считаю, что вполне достойно смотрюсь во всех работах.

— **А какая роль удовлетворила бы полностью?**

— Такого масштаба, какие я играю в театре. В кино я не сыграл Франсуа Вийона, короля Лира. В театре я и Гамлет, и Калигула, много комических ролей. А в кино на словах предложили, поговорили, вроде что-то намечается, вот-вот, ждем первых денег. А потом вдруг все куда-то исчезает, как испаряется. И непонятно, что вообще это было? Я иногда вообще не понимаю, что происходит.

Фото

Сергея ТЕТЕРИНА.

ПРО РАБ

намичный. Фильм, конечно, на любителя. Многие его вообще не принимают. Больше всего, естественно, его любят в Питере. Это — их марка.

— **Кто вас открыл для кино?**

— Надя Кожушаная, сценаристка. Мы дружили, она постоянно ходила к нам в театр. С Тепцовым она тогда училась вместе на курсах и привела его сюда. Он много спектаклей посмотрел и только потом подошел ко мне и предложил.

— **Это ваш дебют?**

— Впервые в кадр я вошел в этом фильме.

— **И как себя почувствовали?**

— Нормально. После того, что мы творим в театре, как я по пять часов ношусь по сцене, играя Воланда в “Мастере и Маргарите”, сняться, три фразы сказать, а потом “стоп” и перекур — это, в принципе, безделица.

— **У вас действительно нет актерского образования?**

— Никакого.

— **Ну какое-то есть?**

— Я закончил Московский индустриальный техникум. Контрольно-измерительные приборы и автоматика — вот моя профессия. Приборы, цепи электрические, схемы всякие, измерение давления воды. После этого я мог бы оборудовать, скажем, цех электричеством.

— **То есть дома вам ничего не слабо починить?**

— А что там есть, дома? Выключатели да розетки...

— **Неужели ничего не нажили за актерскую славу?**

— Нажил. Только никто не знает обратной стороны этой славы.

— **Что, сильно дергают?**

— Есть приятные люди, автографы просят, а есть — по-скотски относятся: “Эй, чувак, ты, в натуре, пить будешь?” Могут подойти, по плечу ударить, дыкнуть в нос перегаром. А у нас в театре по этому делу запрет — на сцене даже чуть выпивши нельзя появляться.

— **Наверное, народ чувствует в графе Монте-Кристо рабочую жилку?**

— Да, жилка есть. Я в армии на шофера выучился, а когда вернулся, на 29-м автокомбинате работал — “МАЗ” с прицепом гонял. Между прочим, 16 тонн! Зимой песок влажный загрузишь, довезешь до стройки по морозу, а кузов примерз — берешь кувалду и начинаешь бить.

— **И сколько вы так кувалдой били?**

— Лет пять-шесть на больших машинах проработал.

— **Как же вас в театр занесло?**

— Я уже параллельно играл. У нас на автокомбинате так — неделю в день, неделю в ночь. В 6 вечера уже можно было выезжать. Я подъезжал к полседьмому к театру. “МАЗ” ставил — дизель даже не глушил, закрывал просто, — заходил, играл спектакль, потом опять садился в “МАЗ” и ехал на первую загрузку до утра. А теперь вот даже звание дали — заслуженный артист России. Хотя оно ничего не дает. Сейчас какой-нибудь неизвестный мальчик может получать в пять раз больше, чем народный артист. А раньше были железные ставки. Я начал сниматься с 28 рублей в день, потом 37. А

ЗАМКА ИФ

Моей жене-сестре — 1998. — 7 мартов. с.б.

“Графа Монте-Кристо я играл в отпуске”

день — это плюс две репетиции, каждая еще полставки. На “Господине оформителе” я получал 56 рублей — хорошие деньги. Два дня отработал — вот тебе месячная зарплата.

— **Вы московский человек?**

— Да, я родился в Мневниках.

— **А родители кто ваши?**

— Мать всю жизнь работала на заводе, отец тоже заводской.

— **Значит, ничто не предполагало, что вы можете стать артистом?**

— Я и сам не предполагал. Меня, можно сказать, туда затащил Сергей Белякович, мы в одном классе учились, по улицам шлялись. А его старший брат, Валерий Романыч, был просто одержим идеей театра. И он подобрал себе актеров буквально со двора. Я даже не понимал первый год, зачем мне это надо. Но бросить было как-то неудобно, а потом сам вкрутился.

— **Ваши успехи в кино коллег раздражают? Вы ведь в театре звезда!**

— У нас тогда был запрет на съемки фильма. Романыч говорил: “Вы еще не стали актерами, еще не создали настоящий театр, а попретесь в кино! А потом звездная болезнь накатит”. Театр был в летнем отпуске, и я, помню, на графа Монте-Кристо просто использовал свой отпуск.

— **Звездной болезнью не заболели?**

— Да нет...

— **Вас что, это совсем не волнует, не тешит самолюбие?**

— Может быть, поначалу. Так, чуть-чуть было. Стасик Садалский (он у нас, кстати, год в театре проработал) говорит: “Ты мордой торгуй, Витек!”

— **Торговали?**

— Приходилось. Помог как-то ребятам растаможить груз — 12 тонн Корана. Фантастическая вещь — в Саудовской Аравии печатали в русском переводе. Я ведь еще много чего кроме Монте-Кристо играл. Я посчитал — у меня ролей 40 в кино. Еще “20 лет спустя”, продолжение про мушкетеров, “Смирненное клалбище”, “Зимняя вишня-2” — я там друга Соломина играю, гробы мастерю. Арбенина играл в “Маскараде”, но это немецкое телевидение, мало кто видел. Сейчас кассеты продаются — “Сафари-6”, боевик. Я там крутой.

— **У вас очень романтическая прическа — вечные локоны до плеч. Кто ваш “господин оформитель”?**

— А эта стрижка универсальная. И для Гамлета годится, и для всего. Я всю жизнь такой, с юности. Один раз подстригся коротко — с Серегой, Беляковичем-младшим, квасили, тот решил меня подравнять. Так Романыч потом на меня собак спустил — объявил устный приказ по театру: “Витю стричь запрещаю”. Так что теперь я такой по приказу.

— **С кем вы общаетесь? В Доме кино я вас не вижу, на презентации не ходите, на кинофестивали не ездите. Вы что, затворник?**

— Я был только на одном кинофестивале — “Золотой Дюк” в Одессе, когда шел “Узник замка Иф”.

— **Что, не приглашают, или вы дичитесь?**

— Не люблю я эти тусовки.